

© Е.В. Каргаполова, Ю.А. Давыдова

Научная статья

УДК 332.14

DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.3.27>**САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ)**

Е.В. Каргаполова, Ю.А. Давыдова

Каргаполова Екатерина Владимировна,доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры политологии и социологии,Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

РИНЦ SPIN-код: 3776-0757 / ORCID iD: 0000-0002-2892-3953

k474671@list.ru

Давыдова Юлия Александровнакандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры политологии и социологииРоссийский экономический университет
им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

РИНЦ SPIN-код: 2967-8794 / ORCID iD: 0000-0001-5660-328X

ylkadav@mail.ru

Аннотация. В современном обществе регион является важнейшим элементом социальной структуры. Под воздействием механизмов глобализации регион трансформируется. Одним из таких механизмов стала цифровизация, многократно усилившая свое влияние в период социально-экономических ограничений новой коронавирусной инфекции. При этом регион сохраняет свою идентичность, выполняя роль мезосреды и адаптируя население к вызовам «большого общества» в период турбулентности карантинных ограничений. В фокусе нашего исследования находится уникальный регион России - Московская городская агломерация, включающая столичный город Москву и Московскую область. Мы изучаем интегральный показатель состояния региона - социальное самочувствие населения на основе масштабных опросов населения региона в апреле-мае и ноябре-декабре 2020 года на основе Типовой методики Всероссийской научно-исследовательской программы проекта «Социокультурная эволюция России и ее регионов», разработанной в Центре изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой и апробированной в тридцати регионах России. Результаты нашего исследования показали более низкую удовлетворенность жизнью населения Московской агломерации к концу 2020 г. Лишь каждый пятый полностью удовлетворен жизнью. Снижается и самооценка краткосрочной ретроспективы условий жизни респондента и его семьи. В то же время повышается краткосрочный оптимизм, что, видимо, связано с ожиданиями снятия социально-экономических ограничений и возвращения к нормальным условиям жизни в 2021 г. Показатели долгосрочного оптимизма не изменились. Каждый

пятый вполне уверен в завтрашнем дне. Показатели социального самочувствия выше у верующих, что свидетельствует о реализации адаптивной функции религии в период непосредственной угрозы жизни. Показатели социального самочувствия жителей Московской агломерации выше, чем в других регионах России, что, скорее всего, связано с более высоким уровнем материального положения. Это нашло отражение и в результатах нашего исследования.

Ключевые слова: социальное самочувствие, регион, социально-экономические ограничения, пандемия COVID-19, Московская агломерация.

Библиографическая ссылка: Каргаполова Е.В., Давыдова Ю.А. Самочувствие населения российского региона в условиях социально-экономических ограничений (на примере московской агломерации) // ЦИТИСЭ. 2022. № 3. С.301-316. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.3.27>

Research Article

UDC 332.14

**WELL-BEING OF THE POPULATION OF THE RUSSIAN REGION UNDER THE
CONDITIONS OF SOCIO-ECONOMIC LIMITATIONS
(BY THE EXAMPLE OF THE MOSCOW AGGLOMERATION)**

E.V. Kargapolova, Yu.A. Davydova

Ekaterina V. Kargapolova,

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor
of the Department of Political Science and Sociology,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation.

ORCID iD: 0000-0002-2892-3953

k474671@list.ru

Yuliya A. Davydova,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Department of Political Science and Sociology,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation.

ORCID iD: 0000-0001-5660-328X

ylkadav@mail.ru

Abstract. *In modern society, the region is the most important element of the social structure. Under the influence of the mechanisms of globalization, the region is transforming. One of these mechanisms was digitalization, which has repeatedly increased its influence during the period of socio-economic restrictions of the new coronavirus infection. At the same time, the region retains its identity, acting as a meso-environment and adapting the population to the challenges of the "big society" during the period of turbulence of quarantines and restrictions. The focus of our study is a*

unique region of Russia - the Moscow urban agglomeration, which includes the capital city of Moscow and the Moscow region. We are studying an integral indicator of the state of the region - the social well-being of the population based on large-scale surveys of the population of the region in April-May and November-December 2020 based on the Standard Methodology of the All-Russian Research Program of the project "Sociocultural Evolution of Russia and its Regions", developed at the Center for the Study of Sociocultural changes of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences under the direction of N.I. Lapin and L.A. Belyaeva and tested in thirty regions of Russia. The results of our study showed a lower life satisfaction of the population of the Moscow agglomeration by the end of 2020. Only one in five is completely satisfied with life. The self-assessment of the short-term retrospective of the living conditions of the respondent and his family also decreases. At the same time, short-term optimism is on the rise, apparently due to expectations that social restrictions will be lifted and life will return to normal in 2021. Long-term optimism indicators have not changed. Every fifth person is quite confident in the future. Indicators of social well-being are higher among believers, which indicates the implementation of the adaptive function of religion in a period of immediate threat to life. The indicators of social well-being of residents of the Moscow agglomeration are higher than in other regions of Russia, which is most likely due to a higher level of financial situation. This was also reflected in the results of our study.

Keywords: *social well-being, region, socio-economic restrictions, COVID-19 pandemic, Moscow agglomeration.*

For citation: *Kargapolova E.V., Davydova Yu.A. Well-being of the population of the Russian region under the conditions of socio-economic limitations (by the example of the Moscow agglomeration). CITISE, 2022, no. 3, pp. 301-316. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2022.3.27>*

Постановка задачи.

Важнейшим элементом современной социальной системы являются региональные локально-территориальные общности, трансформирующиеся под влиянием унифицирующих механизмов глобализации. Одним из таких механизмов является цифровизация как продолжение начавшегося с 80-х гг. прошлого века процесса активного вторжения в человеческие отношения высокотехнологичных информационных объектов; процесса, многократно ускорившегося в условиях запуска в 2020 г. политики социально-экономических ограничений в связи с новой коронавирусной инфекцией. Это приводит к модификации ставших привычными классических представлений о социальности, которые предполагают наличие непосредственных связей исключительно между людьми. И регион как социально-территориальная общность в данных условиях трансформируется в сложную техносциальную систему [4, 27].

Цифровизация преобразует социокультурное пространство мест в пространство потоков. Но регион является также и саморазвивающейся системой, которая продолжает сохранять свою специфику, обусловленную историческим развитием как страны в целом, так и конкретного региона. И данная специфика, в свою очередь, оказывает определенное воздействие на процессы цифровизации общества, скорость их распространения, на восприятие и реализацию населением «ограничительных» мероприятий и т.п. Таким образом, регион как мезосреда продолжает выполнять функции адаптации населения к вызовам «большого» общества – цифровизации и социально-экономических ограничений.

Россия – большая, регионально дифференцированная страна. Сохранение ее регионального многообразия является одной из принципиальных возможностей эффективного ответа российского общества на большие вызовы техногенного общества с

учетом сохранения своего собственного цивилизационного кода и национальной специфики. Это особенно актуально в период турбулентности, вызванной политикой социально-экономических ограничений. В сфере нашего исследовательского интереса – Москва и Московская область в данный период.

Отметим, что Московская область наряду с Москвой может рассматриваться как Московская агломерация, би-субъект, в социокультурном пространстве которого в полной мере проявляется синергетический потенциал межрегиональных взаимодействий [21]. Так, потенциал мегаполиса является ресурсом развития Московской области (обеспечивая условия для быстрого роста ВРП, в том числе добавленной стоимости в сфере услуг; интенсифицируя горизонтальные социальные взаимодействия, создавая условия для реализации человеческого потенциала, сглаживая социальную дифференциацию между двумя частями би-региона), но, одновременно формирует и ряд проблемных зон (быстрое распространение практик, которые препятствуют демографическому воспроизводству населения; значительные масштабы миграции из других регионов России; неэффективность транспортных коммуникаций; трудовая маятниковая миграция; расширение объема промышленных и трудовых отходов, аккумулируемых на территории области; значительная дифференциация качества жизни населения «ближнего» и «дальнего» Подмосковья относительно Москвы, асимметричность взаимодействий и т.п.). Московская область по отношению к мегаполису является и буфером, и донором, ресурсом его территориального развития (например, проект «Новая Москва») [2]. Подчеркнем особое место Московской агломерации в социокультурном пространстве страны, ее важнейшее геополитическое положение, нетипичность в ряду российских регионов, которая заключается в том, что ее социокультурное пространство включает в себя мегаполис, столицу Российской Федерации – город Москва.

Интегральным показателем, характеризующим регион как локально-территориальную общность, является социальное самочувствие населения. Под социальным самочувствием можно понимать «целостное социально-психологическое состояние, в котором зафиксированы временное эмоционально-оценочное отношение человека, социальной группы к содержанию и условиям их жизнедеятельности и актуальные поведенческие образцы. Концептуализация теоретических подходов и методологических оснований к изучению различных аспектов социального самочувствия позволяет рассматривать его, во-первых, в структурном аспекте, во-вторых, как процесс, т.е. в функциональном плане, в-третьих, как социальное состояние (или как результат)» [7,16, с. 6].

Описание методологии и методики.

Понятие «социальное самочувствие» связано с концептами «субъективное благополучие», «счастье», «социальное настроение» как неэкономическими показателями качества жизни [5]. Но единой точки зрения по поводу соотношения этих понятий не выработано также, как и единой методики операционализации и эмпирического измерения социального самочувствия: как правило, используются самые разнообразные наборы показателей и индикаторов.

Так, по мнению О.В. Васильевой, социальное самочувствие является синонимом социального благополучия, удовлетворенности жизнью [5] и связано с категориями «социальное настроение», «счастье» [6]. «Социальное самочувствие представляется как статический компонент социального настроения, обращенный преимущественно к прошлому опыту, а ориентации субъекта на те или иные ценностные переживания – как динамический компонент социального настроения, обращенный к будущему» [6, с. 53].

По мнению А.В. Кученковой, «широкое» толкование социального самочувствия сближает его с термином «социальное настроение» и подразумевает использование не только оценок собственного положения индивида и его жизни, но и ситуации в обществе. «Узкая» трактовка социального самочувствия ближе к содержанию распространенного в

англоязычной литературе термина «субъективное благополучие». Она включает в первую очередь характеристики удовлетворенности жизнью в целом и отдельными ее аспектами. Особенностью моделей измерения субъективного благополучия является стремление исследователей учитывать эмоциональную оценку жизни... Ситуация осложняется различиями в российском и западном подходах к изучению этих явлений. Если в отечественной литературе понятия социальное/общественное настроение, социальное самочувствие получили широкое распространение, то в англоязычной при изучении схожих явлений используют термин «субъективное благополучие» [13].

Существует и иная исследовательская позиция, согласно которой социальное благополучие – многофакторный конструкт, составляющие которого «выявляют и социальное самочувствие человека, и меру общественной безопасности, и современные ценностно-нормативные смыслы» [7,11]. Таким образом, в данной позиции социальное самочувствие и социальное благополучие не являются синонимами и благополучие трактуется более широко, чем самочувствие, а самочувствие – понимается как структурный элемент самочувствия. По мнению же других исследователей, самочувствие является важнейшим структурным элементом, объективно выступая определяющим интегрирующим показателем уровня субъективного эмоционального благополучия и общей удовлетворенности жизнью [17].

Подобное понимание социального самочувствия актуализирует его эмпирическое исследование в условиях ограничений. Как отмечает Ю.М. Пасовец, «пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19, охватившая большинство стран мира в 2020 г., рассматривается как ключевой фактор изменений в экономике и социальной сфере, а также влияния на адаптационные процессы населения этих стран» [19, с. 76]. По мнению Н. Е. Русановой, самоизоляция, ограничение деятельности некоторых секторов экономики, ограничение использования общественного транспорта, глобальный кризис общественного здравоохранения, закрытие учебных заведений оказали негативное влияние на психическое и физическое здоровье. «Люди в изоляции подвергаются большому риску возникновения депрессивных и тревожных состояний, самоубийств» [24, с. 749].

Пик роста тревожности населения пришелся на последнюю неделю марта (первую неделю общероссийского карантина). «Ситуация неопределенности и нестабильности была усугублена страхами, транслируемыми средствами массовой информации, нагнетавшими обстановку. Особенно в апреле 2020 года влиянию СМИ поддались значительное количество россиян, которых исследователи назвали «паникующими» и «взволнованными». Доля каждой из этих групп в апреле доходила до 30%. «Сознание людей в кризисной, стрессовой ситуации восприимчиво к разного рода информации, чувствительно и эмоционально реагирует на новости, происшествия, находится в ожидании худшего» [17, с. 8]. Как отмечает С.Б. Абрамова, «все базовые показатели социального самочувствия россиян (удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм, самооценка материального положения и др.) в 2020 году претерпели существенное снижение и колебания в зависимости от этапов пандемии» [1, с. 249].

В апреле-мае и ноябре-декабре 2020 г., в условиях социально-экономических ограничений исследовательской группой кафедры политологии и социологии РЭУ им. Г.В. Плеханова под руководством Е.В. Каргаполовой было реализовано инициативное социологическое исследование методом онлайн-анкетирования (первая волна N=1700, вторая волна N=1400). Тип выборки – целевая, для чего уже несколько лет нашей исследовательской группой разрабатывается алгоритм реализации онлайн-анкетирования с выходом на целевую аудиторию и обеспечению ее репрезентативности по заданным котируемым признакам. Так при рассылке ссылок на онлайн-анкету анкетерам дается задание опросить респондентов из целевой группы – в данном случае жителей Москвы и Московской области в возрасте от 16 лет и старше, были установлены квоты по полу и по

возрастным группам – молодежь, взрослые, пожилые. В гугл-форме респондент указывал фамилию анкетера и свою контактную информацию, что дало возможность провести контроль работы анкетера. Соотношение мужчин и женщин соответствует гендерной структуре генеральной совокупности. Доля жителей сельских поселений в Московской агломерации статистически незначима. Опрошены жители городских поселений. В условиях социального дистанцирования не удалось обеспечить соответствия генеральной совокупности по возрасту. Поэтому данные по пожилым приводятся как справочные (табл. 1).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики респондентов (% от опрошенных)

Варианты ответа	Апрель-май 2020 г.	Ноябрь-декабрь 2020 г.
Возраст		
Молодые	34	44
Взрослые	56	53
Пожилые	10	3
Семейное положение		
Женат/замужем	44	43
Проживаю вместе с партнером, но в браке не состою	11	15
Разведен/разведена	8	6
Холост/не замужем	35	43
Вдовец/вдова	8	6
Образование		
Начальное среднее, среднее общее	15	19
Начальное профессиональное	3	3
Среднее специальное	18	16
Высшее (бакалавр, специалист, магистр)	54	55
Послевузовское (второе высшее, аспирантура и др.)	10	8

Среди вопросов анкеты были также вопросы, позволяющие охарактеризовать социальное самочувствие населения Московской агломерации. Мы исследовали социальное самочувствие населения Московской агломерации в тяжелых условиях ограничений по апробированной более чем в 30 регионах Типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», разработанной в Центре изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФ РАН (руководители на федеральном уровне: член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор Н.И. Лапин, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник ЦИСИ ИФ РАН Л.А. Беляева). Это дало возможность сопоставить результаты по Московской агломерации с результатами в других регионах России, в которых проводились эмпирические исследования по аналогичной методике.

Социальное самочувствие диагностировалось на основе следующих закрытых вопросов: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?», «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?», «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня или хуже?», «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?». Это дало возможность сделать выводы об удовлетворенности жизнью, оценках респондентами краткосрочной ретроспективы положения своей и своей семьи, уровне краткосрочного и долгосрочного оптимизма соответственно. При интерпретации полученных результатов о состоянии социального

самочувствия населения использовались результаты ответов респондентов на закрытые вопросы «Что Вы можете сказать о своей религиозности?» и «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?»).

Анализ данных включал изучение линейных распределений, осмысление параметров таблиц сопряженности. Проведен также анализ динамики результатов от первой волны исследования ко второй.

Основные результаты.

Как показало наше исследование, позитивные оценки удовлетворенности жизнью зафиксированы примерно у 70% опрошенных, из которых полностью удовлетворен только каждый пятый. Отмечается снижение количества удовлетворенных, в то время как число затруднившихся ответить несколько возросло (табл. 2). Для сравнения независимых выборок из опрошенных в разные периоды использовался *H*-тест Крускала-Уоллиса. В данном случае его значения составляют 5,866 при $p=0,015$, что свидетельствует о статистически значимых отличиях в мнениях респондентов, опрошенных в апреле-мае и ноябре-декабре, и соответственно существенном снижении числа удовлетворенных жизнью. Статистически значимых различий по удовлетворенности жизни по полу и возрасту, между Москвой и Подмосковьем не зафиксировано. Больше всего удовлетворенных жизнью – среди состоящих в зарегистрированном браке и незарегистрированном сожительстве (73% и 70% соответственно), меньше всего – среди разведенных (64%). Данный показатель выше у людей с высшим и послевузовским образованием (более 70%).

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Апрель-май 2020 г.	Ноябрь-декабрь 2020 г.
Полностью удовлетворены	19	19
Скорее удовлетворены	54	48
Затрудняюсь сказать точно	13	17
Не очень удовлетворены	12	13
Совсем не удовлетворены	2	1

Доля удовлетворенных жизнью сопоставима с данными по Тюменской области, полученным в 2019 г., накануне пандемии, которая составила 68% [23, с. 238]. В начале локдауна, в апреле-мае 2020 г. в Московской агломерации данный показатель даже был несколько выше, чем в Тюменской области в относительно стабильном 2019 г., и составил 73%, но уже к концу 2020 г. по результатам второй волны зафиксировано снижение удовлетворенности жизнью среди респондентов до 67%.

Только каждый десятый опрошенный ответил, что он и его семья стали жить намного лучше по сравнению с прошлым годом, каждый пятый выбрал вариант «стали жить несколько лучше» (H Крускала-Уоллиса = 8,892 при $p=0,003$) (табл. 3). Молодежь несколько выше оценивает краткосрочную ретроспективу своего положения, чем взрослые и пожилые (33 против 28 и 26% по сумме выборов вариантов («стали жить намного лучше», «стали жить несколько лучше»). Выше всего данный показатель среди состоящих в незарегистрированном сожительстве (35%), далее следуют вдовы, холостые и разведенные (31, 31 и 28% соответственно). И меньше всего (27%) этот показатель среди состоящих в браке. Чуть более трети респондентов считали, что ничего не изменилось. Среди них женщин несколько больше, чем мужчин (38 против 33%). Примерно каждый четвертый отметил, что стал жить намного хуже и 6% затруднились ответить. Доля выборов варианта

ответа «стали жить намного лучше» снизилась от первой волны ко второй с 11 до 6% при росте доли выборов варианта ответа «стали жить намного хуже» до 7%.

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос «Вы и Ваша семья стали жить лучше по сравнению с прошлым годом или хуже?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Апрель-май 2020 г.	Ноябрь-декабрь 2020 г.
Стали жить намного лучше	11	6
Стали жить несколько лучше	19	22
Ничего не изменилось	36	34
Стали жить несколько хуже	27	24
Стали жить намного хуже	0	7
Затрудняюсь ответить	7	6

В сентябре-октябре 2020 г., также в кризисных условиях повседневности, была реализована очередная волна мониторингового исследования в Курской области по сопоставимой методике измерения социального самочувствия, что дает возможность корректных с точки зрения научной рефлексии сопоставлений. Так в Курской области более 60% опрошенных отметили, что ничего не изменилось, тогда как в Московской агломерации – только чуть более трети. Примерно каждый четвертый житель Курской области считает, что стал жить хуже, а в Московской агломерации данная категория шире и имеет тенденцию к увеличению с 27 до 31% от первой ко второй волне исследования. При этом доля отметивших улучшение своей жизни в Московской агломерации в два раза выше, чем в Курской области – 28 против 14% респондентов. Таким образом, в Московской агломерации больше полярных точек зрения по поводу краткосрочной ретроспективы своего положения, чем в Курской. Кроме того, в Московской агломерации практически в два раза выше, чем в Курской, доля затруднившихся ответить на этот вопрос – 21 против 11% [9, с. 1000]. Подобную ситуацию можно объяснить тем, что в Московской агломерации значительна доля работающих в сфере услуг, которая в наибольшей степени подверглась социально-экономическим ограничениям.

Доля демонстрирующего краткосрочный оптимизм выросла от первой волны опроса ко второй на 10% – с 35 до 45% (Н Крускала-Уоллеса=26,382 при $p<0,001$) (табл. 4). Это, по-видимому, было связано с ожиданиями краткосрочного сценария окончания пандемии и степенью социально-экономических ограничений, которые были жестче и неожиданней для населения в апреле-мае 2020 г. Краткосрочную перспективу своего будущего и будущего семьи уверенно оптимистично в ноябре-декабре 2021 г. оценил только каждый пятый. Каждый пятый также затруднился ответить, и каждый пятый считал, что ничего не изменится. Среди мужчин несколько больше пессимистов в оценке краткосрочной перспективы своего положения, чем среди женщин (20 против 16% по сумме вариантов «будем жить несколько хуже» и «будем жить значительно хуже»). Тогда как среди женщин больше затруднившихся ответить (24 против 18%). Молодежь оптимистичнее в краткосрочных ожиданиях, чем взрослые и пожилые (44 против 37 и 31% соответственно). Оптимистичнее настроены состоящие в незарегистрированном сожительстве и холостые (по 43% соответственно), далее следуют состоящие в браке, разведенные и вдовы (38, 33 и 26% соответственно). Можно предположить, что люди, имеющие детей и состоящие в браке, или одинокие люди демонстрируют большую тревожность из-за обеспокоенности как трудностями в медицинском обслуживании из-за пандемии, так и нестабильным материальным положением.

В различной степени позитивно оценивает долгосрочные перспективы своего

положения 56% респондентов, в различной степени негативно – каждый четвертый-пятый. Также каждый четвертый-пятый затрудняется ответить. По данному индикатору статистически значимой динамики за год социально-экономических

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос «Как Вы думаете, в ближайшем году Вы и Ваша семья будете жить лучше, чем сегодня или хуже?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Апрель-май 2020 г.	Ноябрь-декабрь 2020 г.
Будем жить значительно лучше	13	20
Будем жить несколько лучше	22	25
Ничего не изменится	21	19
Будем жить несколько хуже	15	11
Будем жить значительно хуже	6	4
Затрудняюсь ответить	22	20

ограничений и локдаунов не зафиксировано (табл. 5). А вот результаты по Курской области свидетельствуют о снижении доли уверенных в будущем с 50% в 2018 г. до 38% в 2020 г. [9, с. 1000]. Всероссийские исследования социального самочувствия, проведенные ВЦИОМ по собственной методике в 2020 г., также показали значительное падение показателей социального оптимизма¹. Статистически значимых отличий в изменении мнения опрошенных в разные периоды относительно уверенности в будущем обнаружено не было (H Крускала-Уоллеса=0,004 при $p=0,948$).

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос «Насколько Вы сегодня уверены или не уверены в своем будущем?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Апрель-май 2020 г.	Ноябрь-декабрь 2020 г.
Вполне уверен(а)	18	19
Скорее уверен(а), чем нет	38	37
Затрудняюсь ответить	22	20
Скорее не уверен(а), чем уверен	17	17
Совершенно не уверен(а)	5	6

Как отмечает Ю.М. Пасовец, «показательно, что в измерении социального самочувствия населения как показателя его адаптированности к изменениям в ситуации риска новой коронавирусной инфекции COVID-19 наиболее «чувствительным» оказался индекс социального оптимизма» [19, с. 78]. В Курской области «каждый третий в 2020 г. (против каждого четвертого в 2018 г.) затруднился с ответом, тем самым подчеркнул свое неопределенное отношение к завтрашнему дню» [10, с. 12]. Таким образом, население Московской агломерации демонстрирует более высокие показатели долгосрочного социального оптимизма, чем жители Курской области, что можно объяснить более стабильным материальным положением жителей региона и высоким потенциалом экономического развития агломерации.

Мужчины в большей степени уверены в своем будущем, чем женщины (61 против 53% по сумме выборов варианта ответа «вполне уверен(а)», «скорее уверен(а), чем нет»). По возрастным группам доля оптимистов распределяется следующим образом: 58% – молодежь,

¹ Социальное самочувствие россиян: мониторинг [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2020, 19 окт. № 4357. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 21.10.2020).

55% – взрослые, 52% – пожилые. Результаты, с одной стороны, ожидаемы: молодежь обычно демонстрирует самые высокие показатели оптимизма. Но, с другой стороны, требует дальнейшего пристального внимания то, что разница в показателях оптимизма между возрастными группами статистически незначима. Также требует дальнейшего изучения тот факт, что в крупной городской агломерации самую высокую степень оптимизма продемонстрировали состоящие в незарегистрированном сожительстве (61% против 57% не состоящих в браке, 56% состоящих в браке, 51% разведенных и 46% вдовых). И социальное самочувствие холостых не отличается от социального самочувствия состоящих в браке. Можно предположить, что традиционная семья в регионе, включающем в себя мегаполис, постепенно утрачивает свои адаптационные функции [8].

При этом адаптационные функции сохраняет институт религии – доля вполне уверенных в будущем больше всего среди верующих и составляет 23%. Отметим, также, что среди верующих выше показатели удовлетворенности жизнью, тогда как у атеистов – ниже всего (23 против 15% полностью удовлетворенных). У верующих выше всего краткосрочные оценки ретроспективы своего положения, ниже всего – у атеистов (33 против 26%). Среди верующих также показатель краткосрочного оптимизма составил 42%, тогда как среди атеистов – 36%. Очевидно, что компенсаторная функция религии как социального института добавляет уверенности ее adeptам.

Рассмотрим показатели религиозной идентичности жителей Московской агломерации, принимая во внимание то, что религиозная идентичность – это один из интеграторов культурного потенциала социальной общности [26, с. 173]. составная часть, скорее, даже сопряженный фактор либо культурной, либо этнической идентичности, важный фактор формирования культурного пространства в его многообразии [22]. Необходимо также помнить, что для осмысления парадоксальных трансформаций религиозной идентичности на современном этапе можно использовать термин «религиозная трансгрессия», «как широкое понятие, обозначающее различные уровни перехода сакральных границ, нарушения религиозных заповедей, трансформации конфессиональных характеристик и выходы за пределы какой-либо конфессии или веры как таковой» [22, с. 110]. Из результатов нашего исследования видно, что более 60% опрошенных жителей Московской агломерации считают себя верующими, соответственно, не верующих – 27%, примерно каждый десятый – атеист (табл. 6). В тоже время заметно снижение числа верующих, данное изменение также статистически значимо (H Крускала-Уоллеса=18,583 при $p<0,000$).

Таблица 6

Ответы респондентов на вопрос «Что Вы можете сказать о своей религиозности?» (% от опрошенных)

Варианты ответов	Апрель-май 2020 г.	Ноябрь-декабрь 2020 г.
Верующий человек	30	25
Скорее верующий, чем неверующий	38	35
Скорее неверующий, чем верующий	12	15
Неверующий	12	15
Атеист	8	10

Социальное самочувствие населения региона является одним из ключевых показателей качества жизни. Эмпирические исследования проявляют значимость социально-экономической идентификации для структурирования социокультурного пространства региона [20], «высокий уровень зависимости социального самочувствия жителей региона от экономических индикаторов благополучия... Общий высокий уровень бедности, ограниченный рынок труда, низкая социальная мобильность приводят к тому, что

социальное благополучие жителей региона во многом связывается с уровнем материального благополучия, а не с удовлетворенностью, например, условиями образования, самореализации или состоянием экологии» [12, с. 113]. Обострившееся в России после распада СССР неравенство доходов населения стало «одной из главных угроз целостности страны» [15, с. 6].

Рассмотрим показатели оценки материального положения семьи населения Московской агломерации. Статистически значимой динамики по данному показателю от первой волны исследования ко второй не зафиксировано. К низшим стратам («нищие», «бедные», «необеспеченные») относят себя около 20% опрошенных, к средним («обеспеченные», «зажиточные») – около 70% опрошенных, к богатым – только каждый десятый (табл. 7). Таким образом, в профиле идентификации с социально-экономическим слоем в Московской агломерации также, как и в других регионах России, «самыми массовыми оказываются средние и низшие страты» [20, с. 12]. Также, как и в других регионах России, в Московской агломерации зафиксирована существенная дифференциация самооценок населения своей принадлежности к имущественным стратам по уровню потребления. Как отмечает Л.А. Беляева, «сформировано устойчивое материальное расслоение общества с такими неблагоприятными пропорциями: соотношение примерно 50% на 50% трех нижних и трех верхних слоев сохраняется в течение 2000-х годов – это следствие отсутствия позитивных сдвигов в экономике и низких темпов создания массовых высокотехнологичных и хорошо оплачиваемых рабочих мест», что приводит к закреплению социальных дистанций, базирующихся на объеме экономического капитала» [3, с. 69]. По мнению Н.И. Лапина, и по этой причине, российское государство «можно охарактеризовать как формально правовое, социально слабое государство с низко-средним уровнем благосостояния, защищающая функция которого находится в кризисе» [14, с. 183]. Статистически значимых различий между двумя выборками респондентов обнаружено не было (H Крускала-Уоллеса=0,200 при $p=0,655$).

Таблица 7

Ответы респондентов на вопрос «Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение сегодня – Ваше, Вашей семьи?» (% от опрошенных)

Варианты ответов /условные слои	Апрель-май 2020 г.	Ноябрь-декабрь 2020 г.	Россия, 2015 г. [источник информации: 3,с. 69]
Денег не хватает на повседневные затраты / «нищие»	4	5	11
На повседневные затраты уходит вся зарплата / «бедные»	7	6	18
На повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна / «необеспеченные»	11	10	22
В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг / «обеспеченные»	28	29	33
Почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи / «зажиточные»	39	39	9
Практически ни в чем себе не отказываем / «богатые»	10	11	2

Но в Московской агломерации пропорция между тремя нижними и тремя верхними

слоями составляет примерно 20% на 80% за счет более широких трех верхних слоев. Л.А. Беляева подчеркивает, что «в Москве сосредоточена треть представителей наиболее доходной пятипроцентной группы населения России и каждый пятый из двадцатипроцентной группы с наибольшими доходами. Такая асимметрия в распределении экономического капитала по социальным слоям и регионам делает социальное пространство страны неустойчивым как по вертикали, так и по горизонтали, порождает «избыточное неравенство», которое стало значимым фактором социального недовольства и эксклюзии у значительной части общества, особенно в регионах» [3, с. 67]. Кроме того, бюджет Московской агломерации позволяет запускать масштабные инфраструктурные проекты, такие как Московский центральный диаметр, ЦКАД и др., что улучшает качество жизни в регионе и вызывает дополнительное недовольство на периферии.

Выводы.

Самочувствие населения Московской агломерации в период социально-экономических ограничений, вызванных ощущением прямой угрозы жизнью, истерией в СМИ, нестабильностью ожиданий, внедрением цифровых форматов взаимодействий при разрушении привычных, претерпело следующие изменения.

1) Более двух третей респондентов удовлетворены своей жизнью в регионе, но зафиксирована тенденция снижения данного показателя к концу 2020 г.

2) Оценки краткосрочной ретроспективы положения ниже, чем в других регионах России, связано с тем, что экономическая ситуация в агломерации, где сосредоточена значительная часть бизнес-структур России, в период социальных ограничений резко ухудшилась. Многие работники были переведены на две трети заработной платы или отправлены в отпуска за свой счет, что отрицательно сказалось на их моральном состоянии и материальном благополучии.

3) В тоже время доля демонстрирующих краткосрочный оптимизм возросла на 10%, особенно среди молодежи. Возможно, это связано с тем, что часть населения в определенной степени адаптировалась к социальным ограничениям либо с ожиданиями окончания пандемии к началу 2021 г.

4) Что касается долгосрочных перспектив, то больше половины респондентов оценивают их позитивно. Значительный экономический потенциал агломерации и высокий уровень медицинской инфраструктуры позволяют надеяться на быстрое преодоление негативных последствий пандемии.

Список источников:

1. Абрамова С.Б. Социальное самочувствие молодежи: через «пандемические» страхи к социальному благополучию // VIII Дыльновские чтения «Современное общество в условиях социальной неопределенности: теория и практика». материалы международной научно-практической конференции. - Саратов: Саратовский источник, 2021. - С. 248-252. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46149472>

2. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. - М.: Весь мир, 2016. – 360 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29308141>

3. Беляева Л.А. Социальные дистанции как характеристика социального пространства современной России // Вестник РУДН. Серия социология. 2018. Т. 18, № 1. С. 58-72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32383136>

4. Бунеев Т.П. Роль инновационно-образовательного кластера в создании цифрового двойника региона на примере Томской области // Социальные явления и процессы. 2022. №1. С. 43-55.

5. Васильева О.В. Социальное самочувствие и уровень жизни как субъективный и объективный показатели качества жизни населения. взаимосвязь уровня счастья и качества

жизни населения // KANT: Social sciences & humanities. 2020. №2(4). С. 37-48. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44030578>

6. Васильева О.В. Социологическое измерение социального настроения. Постнеклассический подход // Управление устойчивым развитием. 2019. №5 (24). С. 53-60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41379588>

7. Евсеев В.О., Панова Т.В., Модель категории "здоровье человека" в понятиях общей теории систем // ЦИТИСЭ. 2021. № 4 (30). С. 565-576. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47652559>

8. Калачикова О.Н., Груздева М.А. Социальная уязвимость семей с детьми в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 2. С. 147-160. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38029295>

9. Когай Е.А. Социокультурные ориентиры стратегического планирования развития регионов Центрального Черноземья // Материалы XX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». - М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. - Ч. 1. - С. 999-1002. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46253842>

10. Когай Е.А., Дремова Л.А. Состояние гражданского общества в Курской области в 2020 году // Эффективность национальных проектов: социально-экономические процессы, институты гражданского общества, просвещение. XX Международная научно-практическая конференция. - Курск: Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса, 2021. - С. 11-16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46303949>

11. Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О. Социальное благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона (на материалах социологического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 1. С. 70–83. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42660553>

12. Кошарная Г.Б., Бондаренко В.В., Танина М.А. Влияние уровня жизни на социальное самочувствие населения провинциального региона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. №1 (53). С. 113-125. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44142842>

13. Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2 (4). С. 118-127. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26374975>

14. Лапин Н.И. Благополучие населения – цель, активность региональных сообществ – драйвер экономического роста // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. Т. 222, № 2. С. 183-205. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43080578>

15. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 4-17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42480160>

16. Лепешкин Н.Я. Социальное самочувствие населения на современном этапе трансформации российского общества: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. - Хабаровск, 2006. - 24 с.

17. Орестова В.Р., Коломиец О.В. Социальное самочувствие как интегральный показатель психологического благополучия студентов // Психология. историко-критические обзоры и современные исследования. 2016. №4. С. 92-106. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27278852>

18. Овчар Н.А., Небыков И.А. Страхи и надежды волгоградцев: влияние пандемии на социальное самочувствие горожан // Primo Aspectu. 2020. №4(44). С. 7-13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44366581>

19. Пасовец Ю.М. Адаптивные практики населения в условиях риска // Экономика. Общество. Человек. Материалы национальной научно-практической

конференции с международным участием. - Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2020. - С. 74-80. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44776488>

20. Пасовец Ю.М. Социально-экономическая идентификация населения как фактор структуризации городского пространства (на примере городов Курской области) // *Primo Aspectu*. 2019. № 4 (40). С. 7-14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41571001>

21. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ. ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляева. - М.: Academia, 2013. - 416 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21548795>

22. Романова А.П., Топчиев М.С., Черничкин Д.А. Категориальные основания исследования религиозной идентичности // *Религиозная идентичность и межкультурные коммуникации. Материалы Всероссийского научного семинара*. - Астрахань: Астраханский государственный университет, 2020. - С. 110-120. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44249424>

23. Ромашкина Г.Ф., Худякова М.В. Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13, № 6. С. 232–251. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44593872>

24. Русанова Н.Е. Пандемия COVID-19 и «эпидемия неинфекционных заболеваний»: демографические ответы // *Материалы XX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения»*. - М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – Ч. 1. – С. 749-752. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46253762>

25. Социальное самочувствие россиян: мониторинг. 2020, [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru> (Дата обращения 01.05.2022)

26. Харитонов В.Г. Культурные и языковые предпочтения населения республики: по данным социологических исследований // *Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур. Сборник материалов Международной научно-практической конференции*. - Чебоксары: Среда, 2020. - С. 171-176. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42552115>

27. Osipov G.V., Pinchuk A.N., Karepova S.G. Social reality construction in the technological world: new aspects of sociological conceptualization // *Revista Inclusiones*. 2021. Vol. 8. No. S2-1. P. 615-623. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46627023>

References:

1. Abramova S.B. *Social well-being of youth: through "pandemic" fears to social well-being*. Saratov, Saratov source Publ., 2021. pp. 248-252. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46149472>

2. *Atlas of modernization of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems*. Moscow, The whole world Publ., 2016. 360 p. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29308141>

3. Belyaeva L.A. Social distances as a characteristic of the social space of modern Russia. *Vestnik RUDN University. Sociology series*, 2018, vol. 18, no. 1, pp. 58-72. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32383136>

4. Buneev T.P. The role of the innovation-educational cluster in creating a digital twin of the region on the example of the Tomsk region. *Social phenomena and processes*, 2022, no. 1, pp. 43-55. (In Russian).

5. Vasilyeva O.V. Social well-being and standard of living as subjective and objective indicators of the quality of life of the population. the relationship between the level of happiness and the quality of life of the population. *KANT: Social sciences & humanities*, 2020, no. 2 (4), pp. 37-48. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44030578>

6. Vasilyeva O.V. Sociological dimension of social mood. Post-non-classical approach. *Management of sustainable development*, 2019, no. 5 (24), pp. 53-60. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41379588>
7. Evseev V.O., Panova T.V. The model of the category “human health” in terms of general theories of systems. *CITISE*, 2021, no. 4 (30), pp. 565-576. (In Russian). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47652559>
8. Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Social vulnerability of families with children in modern Russia. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 147-160. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38029295>
9. Kogay E.A. *Sociocultural guidelines for strategic planning of the development of the regions of the Central Chernozem Region*. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. vol. 1, pp. 999-1002. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46253842>
10. Kogay E. A., Dremova L. A. *The state of civil society in the Kursk region in 2020*. Kursk, Kursk Institute of Management, Economics and Business Publ., 2021. pp. 11-16. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46303949>
11. Kostina E. Yu., Orlova N. A., Panfilova A. O. Social well-being in the assessments of residents of the Far East region (based on sociological research). *Bulletin of the Institute of Sociology*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 70–83. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42660553>
12. Kosharnaya G.B., Bondarenko V.V., Tanina M.A. Influence of the standard of living on the social well-being of the population of the provincial region. *Volga region. Social Sciences*, 2020, no. 1 (53), pp. 113-125. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44142842>
13. Kuchenkova A.V. Social well-being and subjective well-being: correlation of concepts. *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art criticism*, 2016, no. 2 (4), pp. 118-127. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26374975>
14. Lapin N.I. Well-being of the population is the goal, the activity of regional communities is the driver of economic growth. *Scientific works of the Free Economic Society of Russia*, 2020, vol. 222, no. 2, pp. 183-205. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43080578>
15. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. Extreme inequalities and the social state. *Sociological research*, 2020, no. 1, pp. 4-17. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42480160>
16. Lepeshkin N.Ya. *Social well-being of the population at the present stage of the transformation of Russian society: a regional aspect*. Doct. Diss. Khabarovsk, 2006. 24 p.
17. Orestova V.R., Kolomiets O.V. Social well-being as an integral indicator of the psychological well-being of students. *Psychology. historical-critical reviews and modern research*, 2016, no. 4, pp. 92-106. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27278852>
18. Ovchar N.A., Nebykov I.A. Fears and hopes of Volgograd residents: the impact of the pandemic on the social well-being of citizens. *Primo Aspectu*, 2020, no. 4 (44), pp. 7-13. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44366581>
19. Pasovets Yu.M. *Adaptive practices of the population at risk*. Belgorod, Belgorod State Technological University. V.G. Shukhova Publ., 2020. pp. 74-80. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44776488>
20. Pasovets Yu.M. Socio-economic identification of the population as a factor in the structuring of urban space (on the example of the cities of the Kursk region). *Primo Aspectu*, 2019. no. 4 (40), pp. 7-14. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41571001>
21. *Problems of socio-cultural modernization of Russian regions*. Moscow, Academia Publ., 2013. 416 p. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21548795>
22. Romanova A.P., Topchiev M.S., Chernichkin D.A. *Categorical grounds for the*

study of religious identity. Astrakhan, Astrakhan State University Publ., 2020. pp. 110-120. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44249424>

23. Romashkina G.F., Khudyakova M.V. Sociological analysis of factors and resources of human capital. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2020, vol. 13, no. 6, pp. 232–251. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44593872>

24. Rusanova N.E. *The COVID-19 pandemic and the “epidemic of noncommunicable diseases”: demographic responses*. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021, Part 1, pp. 749-752. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46253762>

25. *Social well-being of Russians: monitoring*. Available at: <https://wciom.ru> (Accessed 01 May 2022)

26. Kharitonova V.G. *Cultural and language preferences of the population of the republic: according to sociological research*. Cheboksary, Sreda Publ., 2020. pp. 171-176. (In Russian). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42552115>

27. Osipov G.V., Pinchuk A.N., Karepova S.G. Social reality construction in the techno-social world: new aspects of sociological conceptualization. *Revista Inclusiones*, 2021, vol. 8. no. S2-1, pp. 615-623. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46627023>

Submitted: 19 August 2022

Accepted: 19 September 2022

Published: 20 September 2022

